

ТРАМВАЙ, КОТОРЫЙ ИДЁТ В НИКУДА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Русланович

Руслан Русланович Трамвай, который идёт в никуда

<https://litres.ru/74700529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ехал в трамвае, который шёл в никуда. Он не знал, что рельсы оборвутся.

Руслан — двадцатилетний парень из Ульяновска. Завод, съёмная комната метр на метр, дешёвый чай и трамвай 38, который каждое утро везёт его через город, где все давно стали роботами. Он пишет в блокнот, играет на гитаре, ненавидит систему и ищет смысл там, где его нет.

Он ищет любовь — и находит предательство. Он ищет свободу — и находит стену, об которую бьёшься головой. Он ищет Бога — и находит пустоту. Но продолжает ехать. Потому что трамвай не останавливается.

Это контркультурный роман о боли, одиночестве и надежде. О городе, который не меняется. О людях, которые разучились мечтать. И о том, как остаться живым, когда всё против тебя.

18+. Содержит нецензурную брань.

Руслан Русланович Трамвай, который идёт в никуда

Все персонажи вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или организациями случайны. Мнения и высказывания героев не совпадают с позицией автора.

Книга не пропагандирует насилие, наркотики, алкоголь или противоправное поведение. Она является художественным вымыслом.

Автор: Руслан Русланович.

Трамвай, который идёт в никуда

Глава 1. Пролог

Я — Руслан. Но мне похер. Руся. Рус. Как угодно. Моё прозвище — Нацбол.

Ульяновск. Наше время. Город красивый. С историей. Купола. Волга. Открыточный смрад. А внутри — грязная система. Управление разумом. Люди не додумываются. Их жизнь — автоматизация. Я вижу это. Они боятся меня. Иногда соглашаются. Кивают. Потом убегают. Всегда.

Я — волк. Они — овцы. Только овцы с айфонами, местом

работы, целями, надеждой и высшим образованием.

Я сижу на лавочке. Пью дешёвый чай из местного магазина за сто рублей — противный, приторный, но от пива меня уже воротит, в мои-то двадцать лет. Люди спешат на работу, на учёбу. Они выбрали себе путь роботов с надеждой когда-то заработать большой капитал. Стать участниками большой игры, иметь этот мир во всех красках, ездить на задроченных майбахах, мерседесах. За всю их жизнь — дай бог заработать на «АвтоВАЗ». Либо взять тот же «АвтоВАЗ», только новый и в кредит. Они обречены. Они говорят, что знают об этом. Но предпочитают молчать и терпеть, надеяться на голую жопу.

Я временно безработный. Мне выкололи глаза. По жизни я музыкант, писатель и ахуенный режиссёр. Я знаю схему, как зарабатывать хорошо, при этом занимаясь любимым делом. Чем я и живу. Но мои дела все посылают нахуй. Я начинаю работать для себя, но для себя — всё равно что орать в стену, какой я плохой. Или какой я хороший. Я оцениваю себя последним уродом и выродком, желающим помочь остальным. Кому угодно, но только не себе. Я как неизвестный из неизвестного, отмаливаю грехи своими поступками. Но все мы знаем, что это не так. Это вброс. Я лишь себя так чувствую. Но кого в наше время ебут чьи-либо чувства? Чувства — это всего лишь пятно на грязной тряпке, которой только что вытерли жопу какому-нибудь бомжу-профессору. В рамках программы от молодёжи: «Будем очищать город,

будем мыть всем жопу, будем её вылизывать. Смотрите, это мы, мы, красота, озеленение того, что заржавело ещё двадцать лет назад. Мы не хотим ломать и строить новое, мы хотим вилкой чистить ржавчину и потом с этой вилки ждать деньги и кушать из неё».

Чувства в наше время — это лишь способ приманить себе девчущку с целью выебать. И если ты один из этих мудаков, ты получишь своё. Если ты не получил прыщ на члене — ты уже победитель этой жизни. Ты переиграл и выебал только что сам себя.

Жизнь практически на этом и заканчивается. Существуют мероприятия, концерты, уличные гуляния, драки. Но многие решают отшучиваться об обстановке. Они любят посидеть одни на кухне и думать, как же всё сука плохо. Но завтра встать и послушать от жирного начальника, какой же я пидор, не сдал план за рабочий день, не сдал бумажку со словом «МИЛЬЁН». Либо же любят собрать вокруг себя людей с выгодой: у этого можно спиздить, у этого отжать, этот принесёт бухло, эта мне даст, это мне отсосёт, этот мне даст прикурить. Ты скинул? Не чувак, ты не наш, ты какой-то странный. Ты не имеешь внешности, силы и выгоды. Ты прикольный, но мне это не выгодно.

Оттого мои идеи и горят, как папироса. Они не нужны никому, потому что несут с собой правду и истину. Они боятся быть первыми, кто получит отпор во всемирной народной борьбе за свободу. Выгода даёт нам выгоду, если, конечно, не

лазаешь по говну. Хотя у всех по-разному. Но тем не менее так начинается жизнь у миллионов людей по всему миру.

И вот в такой реальности я и живу. Чем же я отличаюсь? Да нихера ничем. Я просто люблю кричать за свободу, за права человека, за защиту русского населения во всём мире, за любовь, добро, славу Господа и жизни. Но меня люди боются. Я не несу опасности. Я несу за собой лишь какую-то неизвестность, которую никто не хочет понимать. А если захочет понять — то он сойдёт с ума. Различные фандомы — от эмо, паков, гопников, бандитов, политиков и даже ебнутых на голову металлуг — не принимают мои идеи. Меня может понять только какой-нибудь избебанный жизнью бездомный, наркоман. И то, если будет под дозой. Под такой дозой чего угодно, хоть обычного чая «Акбар», им будет легче видеть в этих словах и повествованиях свою правду, свою идеологию. Все хотят жить в мире и любви, но они не знают и не понимают, что живут совершенно по другой игре. Они осознают, как всё хуёво, но при этом живут себе, создавая эти условия. Слова не политику — политику нахуй. Нету ничего лучше свободного анархического общества с одной единственной правдой, где первые слова будут звучать: «Не убей и не оскорби себя и другого!»

Поэтому и живу я один. В своей маленькой комнате-студии, арендую её за десять тысяч в месяц. Работаю обычным распиздяем на заводе. Получаю много не мало — около восьмидесяти пяти. Этого мне хватает, чтобы прокормить свою

изъеданную душу и пить этот ебливый чай, который только и делает, что приносит мне удовольствие. Глаза мне выкололи неизвестные в драке. Я носил очки. Теперь я решил, что нехуй видеть весь этот пиздец, и расхуюрю себе лоб об все косяки. Но на деле мне нахимичили врачи иглками и лазерами, так что теперь я вижу всё перед собой и без очков. Но тем не менее мои глаза выглядят, как будто я только что съел тушу гнилого быка, и мои глаза наполнены злостью и гневом.

С утра я встаю без каких-либо сил. Всё как рукой сняло. Вечером же я полностью настроен выйти на кровавую революцию и снести к хуям весь мировой строй и начать строить новую вселенную, новый менталитет и всё-всё новое. Но порой это просто нервные срывы от вашей ебучей несправедливости. Она терзает меня.

Когда простой бездушный, но с бумажками в кармашке мальчик может за три секунды взять любую тёлочку и выебать её за те же три секунды, а тебе, чтобы найти отношения, нужно перевернуть миллион фаз. И в принципе, если твоё уродливое ебало находит женщину, то в Африке выпадает снег, а в Европе растёт кукуруза.

Это опять же всё нытьё. Какие действия я привожу в своей комнатухе, которая с виду метр на метр? В которой летом ты умираешь от жары, потому что тело у тебя северное, и ты мучаешься в лучах блядской температуры. А зимой ты превращаешься в льдину, потому что специально намертво отрубил себе отопление, потому что это всё полная хуйня.

Несите мне печку-буржуйку, суки.

Тем не менее я от нехуй делать выхожу на улицу. Через тёмные очки смотрю в лица этих бездарей, этих тварей. Они не принимают мой талант, мои стихи, мои песни, мои книги. Я пытаюсь податься в психушку или сразу в тюрьму, чтобы меня там убили. Но даже туда меня не берут.

— Ты психически здоров, ты не совершаешь преступлений.

Но я же на голову ебнутый, я же политически нестабильный субъект.

— Нас не ебёт, товарищ. Вы не известный, вы нахуй никому не нужны.

С такой реальностью приходится выделяться из толпы и при каком-либо желании просто остаться хуем без хуя.

Я сажусь в трамвай. Эти трамваи везут хуй пойми куда, хуй пойми кого. У них довольно странные маршруты. От этого мне не впадлу вставать в шесть утра, ехать на конечную станцию за пару десятков километров от меня. Сонный, голодный, живущий своё утро на пачке сигарет, я еду в этом трамвае. Я желаю попасть в старый советский, ржавый и разьебанный. Но везёт попадать в новые московские трамваи, с кондиционерами, линолеумом вместо железной бетонки, через которую ты ебнёшься рано или поздно. Оплачиваю проезд новыми бесконтактными системами, думая: а изобретут ли эти мудаки ещё бесконтактный секс? Я сажусь своей потной жопой на сидение, смотрю вдаль на весь го-

род, на первых людей, которые больше желали бы выпить бочку водки, чем куда-то ехать. Перед ебалом высвечивается надпись: «Пожалуйста, не открывайте окна при включённом кондиционере». Если мне будет жарко, я буду готов выкинуть какую-нибудь бабку в шубе, чтобы этой старой пизде было жарко, раз ей так холодно.

Но тем не менее я сижу и записываю свои мысли в блокнотик. Пью свой ебливый чай. Хочу закурить в окошко, но лишних денег на эти блядские штрафы у меня нету. Ну хули, поехали!

Глава 2. Трамвай, идущий в никуда

Я вышел из новомодного подъезда новостройки. Те, кто покупают тут квартиру, либо осознают, что они в полной жопе, которая развалится через три года, либо наглухо ебнутые стервятники, жаждущие собственное жильё, которое они ждали больше, чем оно имеет срок годности. Я иду по грязным улицам. Двор выглядит ещё более-менее: место для детей и десять парковочных мест. Здесь видимо пытались что-то озеленить, но получилось обсерить.

Выйдя из-за угла, я стою на разрушенной остановке, вглядываюсь в рельсы. Рельсы имеют свою особенность в этом мире: их клепали ещё по Союзу, они ржавые, железные, их ставили немецкие или местные заключённые. Подъезжает трамвай под номером 38. Его маршрут протягивается до

тридцати километров. Примерно час езды. Мне хватит для моих тупых раздумий.

Проделав все валютные дела, я сижу на сидении, вглядываюсь в одно и то же окно. День только начинается, еле проносятся сумерки, рассвет или закат. Но время — шесть утра. На первой станции вваливаются бабки, бабы, мужики, студенты. У каждого своя полоса на этот день, но проходит она явно одинаково. Как хорошо, что ни один из этих роботов не понимает, что я такой гондон сижу тут от нехуй делать.

За окном показывается северная часть города, смесь новостроек и союзного сюрреализма. Серая масса панелек, пробки из машин, взятых в кредит на полжизни. Потрёпанная трава, окурки, мусор, вера в будущее. Жизнь здесь проходит сладко, но не у всех. Только у тех, кто успел вовремя больше украсть или обмануть кого-то. Этих людей можно назвать продажными, но при этом они счастливы. Они и есть короли этой игры.

Погода немного солнечная, обжигает мои глаза. Солнце прячется за высотками. Высотки такие же, как и моя халупа: выглядят современно, но полное говно.

Вагон трясёт. Температура тёплая. Я еду и смотрю в лица этих людей. Я вижу, как зашла девушка. Она не выглядела как все. Она была не из толпы. Зашла на три станции позже, чем я. Она была в наушниках, глаза горели огнём. Я надеюсь, что через мои тёмные очки не видно, как я знатно увлёкся ею. Волосы у неё бордово-красные, фигура худая, но формы

все на месте. Лицо необычное. Есть в ней какой-то огонёк. Есть в ней что-то рокенрольское, рокерское, готическое. Горяча баба бя.

Я своим новым прекрасным зрением увидел жёлто-розовую обложку в телефоне. Я сразу угадал — это Sex Pistols.

Не каждый день и не каждый год увидишь и узнаешь, что девушка заинтересована западным роком. Я больше увлечён отечественными рок-фигурами: Гражданская оборона, ДДТ, Автоматические удовлетворители, Кино, Пик Клаксон. Сибирский андеграунд, перемешанный с Ленинградским рок-клубом. Но из западных коллективов мне близки по духу как раз таки эти Pistols и Nirvana. Очень обожаю Pink Floyd. Даже Роджер Уотерс говорил, что нехуй воевать с русскими, ибо нам же пиздец.

Я очень сильно вгляделся в эту даму. Она выглядела на вид лет двадцать-двадцать пять. Заебись однако. Но я же такой паскудник и лошара, что если я и подойду, то у меня один вариант на три исхода. Вариант исхода таков, что я просто пойду нахуй. Может быть, заведётся диалог, но я ебал его в рот — рисковать и стоять краснеть как помидор у азера. А сама она сразу обо мне подумает, что я либо долбоёб, либо педофил, либо бандит, который хочет её выебать.

Все эти три варианта про меня не сходились. Я только когда злой могу выглядеть как бандит. Я могу сделать плохо кому-то, если это плохо сделают мне. А мой внешний вид, как мне сказал мой лучший друг, — оперстайл.

Минут двадцать я смотрел на неё. На её декольте, её чуть припухлые ноги и высокий рост. Зелёные глаза. Как бутылочное стекло на солнце. Как трава после дождя. Как что-то, чего я не видел уже тысячу лет. Я смотрел в них и чувствовал, как во мне что-то шевелится. Не хуй. Что-то другое. Что-то, что я давно похоронил.

У неё на шее была тонкая цепочка. На запястье — кожаный браслет с металлическими заклёпками. На пальцах — кольца. Много. Серебро. Камни. Ногти короткие, чёрные. Не маникюр, а так — просто чёрный лак, местами облупившийся. Она не пыталась быть красивой. Она просто была. И от этого сносило крышу.

Куртка на ней была косуха. Потёртая, выдававшая виды. Не с «Зары», не с масс-маркета. Настоящая. Такие носят те, кто слушает не то, что играет по радио. Джинсы рваные на коленях. Ботинки — высокие, тяжёлые, на толстой подошве. Она стояла, держась за поручень, и слегка покачивалась в такт музыке. Что играло у неё в наушниках? Может, «Anarchy in the U.K.»? Может, «Smells Like Teen Spirit»? А может, что-то такое, чего я даже не слышал. И от этого становилось ещё хуже — я хотел знать, но не мог спросить.

Она убрала прядь волос с лица. Медленно. Двумя пальцами. И я увидел её скулы. Острые, как лезвие. И губы. Бледные, почти без помады. Она не красилась для этих людей. Она вообще не для них. Она для себя. Или для кого-то, кто где-то там, в другом городе, в другой жизни.

Я представил, как она курит. Как держит сигарету. Как выпускает дым. Как смотрит на меня. Как говорит: «Ну чё, поехали?» И я бы поехал. Куда угодно. Хоть на край света. Хоть в ад. Хоть в Кремль. Только скажи.

Но я сидел. И смотрел. И молчал. Как последний мудака. Как человек, который привык кричать про революцию, но боится сказать «привет» девушке. Потому что если она пошлёт — это будет хуже, чем тюрьма. Хуже, чем психушка. Хуже, чем всё, что я пережил.

Трамвай качнуло. Она посмотрела в мою сторону. На секунду. Может, на две. Я замер. Сердце остановилось. Потом поехало дальше. Она отвернулась. Не увидела. Или увидела, но не поняла. А может, поняла, но ей было похер. Я не знаю. И никогда не узнаю. На этом закончились мои либидные мучения, и я отвернулся обратно в окно. В окне уже виднелся центр города. Я еду по центру. Здесь рельсы вросли в асфальт, как шрамы на теле города. Улица Ленина — бывшая Московская. Купеческая. Богатая. Теперь — просто улица. Трамваи №4 и №22 идут по ней, по Спасской, по Радищева. Пути меняли в 2021-м, рельсы укладывали заново, асфальт сдирали, перекрывали движение. Но сейчас всё равно — колдобины. Как будто ремонт был в другой жизни.

Я смотрю на дома. Каменные. Ещё с XIX века. Доходные дома, общественные здания. Всё это строили после пожара 1864 года, когда деревянный Симбирск сгорел дотла. Восстанавливали на рубеже веков. Камень. Основательность. Куп-

цы умели строить. Не то что сейчас — панельки, наклепленные друг на друга.

На пересечении Гончарова и Ленина раньше стоял Вознесенский собор. Снесли в 1935-м. Часы с колокольни потом повесили на Дом-музей Гончарова. Теперь на месте собора — сквер. Памятник. Гуляют люди. Никто не помнит, что здесь было. Никто не хочет помнить.

Гончарова — главная улица. Бывшая Большая Саратовская. В начале её — обелиск Победы. Дальше — ЦУМ, Дом быта, гостиница «Волга». Строили в 60-е, когда реконструировали центр. Сносили Гостиный двор, ломали старое, лепили новое. Советский модернизм. Пятиэтажки. Бетон. Стекло. Холод.

Трамвайный перекрёсток Гончарова — Ленина. Здесь постоянно что-то происходит. То ДТП, то ремонт. Трамваи идут в объезд — через Нариманова, через Дамбу. Я сижу в вагоне, смотрю на этот перекрёсток и думаю: сколько раз здесь всё перестраивали? Сколько раз сносили и строили заново? Город — как человек, который не помнит своего лица. Меняет его каждые пятьдесят лет.

Улица Спасская. Трамваи №4 и №22. Тоже недавно открыли движение. Рельсы обкатывали, проверяли. Инфраструктура. Национальный проект. Всё для людей. Только людей-то нет. Есть биороботы, которые едут на работу. Есть я, который едет в никуда.

Проспект Нариманова. Здесь трамвайные пути у телецен-

тра. Перекрёсток с Тимирязева. Ремонтировали. Не смогли за день. Работы затянулись. Трамваи №4, №15, №107 пошли в объезд — через Репина, Верхнеполевую, Можайского, Марата, Шевченко, Железной Дивизии. Я читал об этом в новостях. Пока эти мудаки чинят рельсы, люди стоят на остановках. Ждут. Терпят. Надеются.

Я смотрю в окно. Мимо проплывают панельки. Серые. Одинаковые. Как гробы. В них живут люди. Смотрят телевизор. Пьют чай. Ездят на «АвтоВАЗе». Верят в будущее. Будущего нет. Есть только трамвай, который идёт в никуда.

Центр — это ложь. Красивая обёртка. Купола. Волга. Открыточный смрад. А внутри — гниль. Рельсы, вросшие в асфальт. Дома, которые помнят больше, чем все эти люди вместе взятые. И трамвай, который везёт меня по этому кругу. Я уже не помню, зачем сел. Я уже не помню, куда еду. Я просто еду. И любой читатель может подумать, какой я мудак и паскудник, ничё ему не нравится, ничем ему не угодить. Мне нравятся районы Юго-Запада, парки, зелёные места, люди, которые верят в справедливость и добро. Я общался за эту жизнь со многими. Я видел в них простого чувачка с гитарой, поющего легендарные творения русского рока. Потом, когда призывал к себе в рок-группу, получалась жопа. Этот человек оказывался меркантильной мразью. Он поёт песни про перемены, протесты, про солнце, а на деле ищет бабки и живёт жизнью тех, против кого исполняет песни. Лицемеры? Твари? Я хуй его знает, как они называются. Я называю их

просто — продажные проститутки.

Тем не менее: девушка вышла на станции в центре. Двери закрылись. Трамвай дёрнулся и поехал дальше. Я остался один. В дохлом вагоне, который тащится хуй пойми куда. Пустота. Не в трамвае — во мне. Как будто что-то вынули. Не сердце. Что-то меньше. Что-то, о чём я даже не знал, что оно есть.

Я задумался о нашей будущей жизни. Странно, да? Я даже имени её не знаю. А уже представил, как она выйдет замуж за нормального мужика. Как у неё будет квартира. Машина. Дети. Как она будет слушать Sex Pistols на кухне, пока варит суп. Как будет вспоминать молодость и улыбаться. Как никогда не узнает, что в трамвае на неё смотрел человек, который мог бы её понять. Мог бы. Но не подошёл. И это потом. Всё потом. А сейчас — пустота.

В наушниках у неё играло Pretty Vacant. Я почти уверен. Пустой. Как она. Как я. Как весь этот ебучий мир. Sex Pistols — они протестные. Хуй пойми о чём поют. Но энергия видна. Не музыка — энергия. Я это чувствую. Я вырос на энергии. На Летове. На Гражданской обороне. На всём этом сибирском андеграунде, перемешанном с ленинградским рок-клубом.

У меня есть группа. От метала до нойза. Инструментов нет. Игроков нет. Раньше были — за их счёт я получаю двадцать пять долларов раз в полгода за прослушивания. Двадцать пять. Долларов. Раз в полгода. Это не заработок. Это

насмешка. Подачка от мира, который говорит: «Ну играй, играй. Только не всерьёз. Не дай бог всерьёз». Я пишу тексты. Я пою. Я один. Я всегда один в этой группе.

Я хочу стать великим. Как Летов. Как Шевчук. Стать гением. Но я безграмотное хуйло. Я знаю это. Я не умею писать правильно. Я не умею говорить красиво. Я умею только кричать. А крик — это не литература. Это крик. Летов умел превращать крик в поэзию. Я не умею. Пока не умею. Может, никогда не научусь. Но я буду пробовать.

Летов спас меня. В тринадцать лет. Я сидел в ванной и вешал петлю. Всё было кончено. Школа, дом, люди — всё было говно. Я думал, что это выход. Единственный. И тогда в плейлисте заиграл альбом «Сто лет одиночества». Песня «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческого». Я замер. Я слушал. И подумал: есть иная реальность. Есть что-то за этим. За петлёй. За ванной. За всем этим говном. Я снял верёвку. Я выжил. Благодаря песням. Благодаря мужику, который умер, но оставил после себя то, что спасло меня. Летов — мой брат. Мой проповедник. Он в глубине каждого рокера. Даже тех, кто не знает его имени.

Был один чувак. Простой. С гитарой. Пела про перемены. Голос как у Летова, только чище. Я поверил ему. Позвал в группу. Он согласился. Пили чай на кухне. Говорили о Кино. О Гражданской обороне. О том, что русский рок умер, а мы его воскресим. Через месяц он попросил денег. На запись. На струны. На аппаратуру. Я отдал всё, что было. По-

том он попросил ещё. Я не дал. Он обиделся. Ушёл. А через неделю я увидел его фото. Новые кроссовки. Новый телефон. Новый усилитель. Подпись: «Мечты сбываются, если работать». Потом он уехал на войну. За деньгами. Я не знаю, что с ним сейчас. И знать не хочу.

Таких много. Я знакомился с местными рок-коллективами. Там одни мудаки. Поют про перемены, про протесты, про солнце. А на деле ищут бабки. Живут жизнью тех, против кого поют. Лицемеры? Твари? Я хуй его знает, как они называются. Я называю их просто — продажные проститутки.

Продажная проститутка — это не та, кто торгует телом. Это та, кто торгует душой. Готова жопой играть на струнах, лишь бы получить тыщу рублей. Я сам не продаюсь. Но не потому, что святой. Просто мне это нахуй не надо. Не меня ебут проститутки — я их ебу. Так было. Так будет.

Я был волонтером у либеральной партии. Во время выборов. Думал, что они — за свободу. За перемены. За людей. Они оказались беспонтовыми. Боятся революции. Боятся народа. Боятся самих себя. Я ушёл. К нацболам не вступил. Я наблюдаю за ними. Восхищаюсь. Они не боятся. Они делают. Даже когда всё против них. Даже когда их сажают. Даже когда их забывают. Они всё равно делают. Я не боец. Я наблюдатель. Но наблюдатель, который в любой момент готов стать бойцом. Просто пока не пришло время. А может, и не придёт. Может, я так и буду ехать в этом трамвае до конца.

До конечной. Где ничего нет.

Свобода для меня — это свобода мысли и творчества. Не политическая. Не экономическая. Мысль и творчество. Всё остальное — хуйня. Война — это контроль над разумом. Те, кто её затеял, должны выйти за угол и надавать друг другу пиздюлей. Но они выдают людей на смерть. Смерть, которая ничего не стоит. Я буду воевать только если нападут на мой дом. За идею ебланов — не буду. За дом — буду. Это не пацифизм. Это граница. Всё, что за ней — не моё. Всё, что внутри — моё. И я буду за это стоять.

Я верю в Бога. В одного Всевышнего. Который знает историю и нутро каждого. Он над нами. Не в церкви. Не в иконе. Не в трамвае. Над всем этим. Если человек злой, но верит в любовь и мир — Бог его простит. Потому что все эмоции человека — это испытание. Не грех. Не порок. Испытание. Я молюсь. Когда наступает ужасное желание. Или стыд перед Богом. Не по расписанию. Не по правилам. Когда припрёт.

Смерть для меня — переход. В новую жизнь. В новое тело. Новые задачи. Я боюсь смерти. Не как конца. Как неизвестности. Я хочу, чтобы меня помнили. Не потому что тщеславен. Потому что боюсь исчезнуть. Боюсь, что всё это — трамвай, чай, блокнот, мысли — было зря. Что я жил, страдал, кричал — и ничего после себя не оставил. Ни звука. Ни следа. Ни строчки.

Люди считают меня добрым и милым. Я сам считаю себя падлой не хуже других. Потому что поступки не совпадают

с намерениями. Я хочу добра. Но делаю зло. Или ничего не делаю. И это хуже всего. Я хочу стать богатым. Чтобы осуществлять поступки во имя мира, любви и добра. Но если не выйдет — если это утопия — я запрусь на роскошной вилле и буду срать на всех с высокой башни. Потому что они не верят в мир. Не верят в любовь. Не верят в добро. А я верю. Даже когда не верю. Даже когда всё говно.

Даже когда трамвай идёт в никуда. Я верю.

Добро — это понимание и взаимопомощь. Не чувство. Не поступок. И то, и другое вместе. Чувство без поступка — это сопли. Поступок без чувства — это робот. А добро — это когда ты понимаешь человека и протягиваешь руку. Просто так. Без выгоды. Без условий. Без «ты мне — я тебе».

Злой человек может делать добро. Если в башке у него это есть. Если он не потерял последнее. Добрый человек может делать зло. Но только в ответ на зло. Не первым. Никогда первым. Это не доброта. Это справедливость.

Я стараюсь делать добро. Когда встречаюсь с людьми — дарю подарки. Просто так. Не на праздник. Не по поводу. Просто потому что хочу. Потому что могу. Потому что в этом есть что-то настоящее. Что-то, чего не купишь и не продашь.

Доброта — это сила. Но люди видят в ней слабость. Потому что привыкли: если ты добрый — значит, тебя можно использовать. Значит, ты лох. Значит, тебе можно сесть на шею. И они садятся. И едут. И не слезают. А потом удивля-

ются, почему добрый человек перестал быть добрым. Почему он стал злым. Почему он послал всех нахуй. А потому что доброта — не бесконечная. Она как чай в стакане. Допиваешь — остаётся пустота. И тогда ты либо наливаешь новый, либо бьёшь стакан об пол.

Меня научил доброте Лунтик. И воспитание. Лунтик — это мультик. Про существо, которое родилось на Луне и упало на Землю. Он не знал, что такое зло. Он просто помогал. Просто дружил. Просто любил. А потом узнал, что люди бывают плохими. И всё равно остался добрым. Вот это — сила. Не то, что показывают в кино. Не то, что продают в интернете. А вот это — маленькое, наивное, упрямое добро. Которое не сдаётся.

Есть ли добро без Бога? Не знаю. Возможно, есть. Но я не встречал. Все добрые люди, которых я знал, во что-то верили. В Бога. В людей. В идею. В музыку. Во что-то, что больше их самих. А те, кто ни во что не верил — те были злыми. Или пустыми. А пустота — это хуже зла.

Добро — это врождённое. И воспитанное. Как семя и почва. Семя даётся при рождении. Почва — это жизнь. Кто-то поливает. Кто-то вытаптывает. Но семя есть у всех. Даже у тех, кто уехал на войну за деньгами. Даже у тех, кто продаёт душу за тысячу рублей. Даже у тех, кто боится революции. Семя есть. Просто оно засохло. Или заросло. Или забыто. Но оно есть. Я верю.

Мир — это не отсутствие войны. Это что-то большее. Это

философский вопрос. Это когда ты любишь близких. Любишь природу. Любишь всё, что есть. Не потому что должен. А потому что не можешь иначе. Мир — это состояние. Не внешнее. Внутреннее. А потом уже внешнее.

Мир внутри человека приходит с возрастом. Когда ты взрослеешь. Когда ты перестаёшь доказывать. Перестаёшь кричать. Перестаёшь ненавидеть. И начинаешь просто жить. Смотреть на солнце. Слушать ветер. Пить чай. Думать. Это и есть мир. Не тишина. А спокойствие. Разные вещи. Тишина — это когда ничего нет. Спокойствие — это когда всё есть, но тебя это не разрушает.

Мир между людьми возможен. Но только тогда, когда люди начнут думать. И действовать. Не ждать. Не терпеть. Не надеяться на голую жопу. А думать. И делать. Тогда будет мир. Не сразу. Но будет.

Мир между народами — это реальность. Не утопия. Реальность, которую ещё никто не построил. Но которая может быть. Если люди захотят. Если люди перестанут хотеть быть главными и любимыми. Потому что войны начинаются не из-за территорий. Не из-за нефти. Не из-за религии. Войны начинаются из-за желания быть главным. Из-за желания быть любимым. Из-за пустоты внутри, которую нечем заполнить. И тогда заполняют кровью. Чужой кровью.

Я всегда чувствую мир внутри. Даже когда всё говно. Даже когда трамвай идёт в никуда. Даже когда зло вокруг. Мир внутри — это не то, что приходит. Это то, что остаётся. Когда

всё остальное уходит.

Что мешает миру? Зло. Не люди. Не обстоятельства. Зло. Как неизвестная сила извне. Как что-то, что приходит и заражает. Кто его посылает — не знаю. Может, Бог. Может, не Бог. Может, что-то, чего мы не понимаем. Но оно есть. Оно работает. Оно делает своё дело.

Если бы я мог остановить одну войну — я бы остановил все. Не одну. Все. Потому что каждая война — это одно и то же. Одни хотят быть главными. Другие хотят быть любимыми. И все умирают. За чужое желание. За чужую пустоту.

Мир — это когда никто не воюет. И когда все любят. И то, и другое. Не или. А вместе. Потому что мир без любви — это просто перемирие. А любовь без мира — это просто чувство. А надо, чтобы вместе. Тогда будет настоящее.

Любовь — это взаимные чувства. Не односторонние. Не жертва. Не мучение. Взаимность. Когда ты отдаёшь, и тебе отдают. Не потому что должны. А потому что хотят. Любовь — это сложное. Это вселенная. Это то, что нельзя объяснить. Можно только почувствовать. И если ты почувствовал — ты уже не тот, кем был. Ты уже другой. Ты уже живой.

Я любил всех женщин, которые у меня были. Каждую. По-своему. Кого-то сильнее. Кого-то слабее. Но всех. И сейчас я люблю ту девушку из трамвая. По книге. Не в реальности. В реальности её след потерялся. Но в книге она есть. В книге она останется. И я буду любить её. Потому что она — образ. А образы не предают.

Любовь к женщине — это то же, что любовь к миру. Потому что женщина — это мир. В ней всё. Красота. Боль. Жизнь. Смерть. Начало. Конец. Если ты любишь женщину — ты любишь мир. Если ты не любишь женщину — ты не любишь мир. Всё просто.

Злая любовь — это невзаимная любовь. Когда ты любишь, а тебя не любят. И тогда любовь превращается в ненависть. Или в одержимость. Или в пустоту. Это не любовь. Это болезнь. Настоящая любовь не бывает злой. Она бывает только светлой. Даже когда больно. Даже когда теряешь. Даже когда конец.

Любовь не эгоистична. Эгоизм — это не любовь. Это желание обладать. Желание иметь. Желание контролировать. А любовь — это свобода. Свобода для другого. Свобода для себя. Свобода быть. Без условий. Без цепей. Без страха.

Любовь к Богу — это любовь к миру. Потому что Бог — это мир. Это всё. Это то, что вокруг. Это то, что внутри. Это то, что над нами. Бог — не дядька на небе. Не старик с бородой. Не икона в церкви. Бог — это вселенная. Это любовь. Это то, что создало всё. И продолжает создавать. Каждый день. Каждую минуту. Каждое дыхание.

Любовь к врагу возможна. Когда враг перестаёт быть врагом. Когда ты видишь в нём человека. Такого же, как ты. С такими же страхами. С такими же желаниями. С такой же пустотой внутри. Тогда враг исчезает. И остаётся человек. И его можно любить. Не потому что он хороший. А потому что

он — человек. А человек — это всегда возможность. Возможность измениться. Возможность стать лучше. Возможность вспомнить, что он не зло. Что он — добро. Просто забыл.

Любовь сильнее ненависти. Всегда. Ненависть разрушает. Любовь создаёт. Ненависть убивает. Любовь рождает. Ненависть — это тупик. Любовь — это путь. Долгий. Трудный. Но путь. А ненависть — это стена. И за ней ничего нет. Только пустота.

Бог — у каждого свой. Но он один. Один для всех. Для христиан. Для мусульман. Для буддистов. Для атеистов. Для меня. Для тебя. Для той девушки в трамвае. Для всех. Просто люди называют его по-разному. И думают, что это разные боги. А Бог один. Как солнце. Одно. Но каждый видит его по-своему. Кто-то видит свет. Кто-то видит тепло. Кто-то видит смерть. Но солнце одно.

Бог слышит молитвы. Не слова. Не просьбы. Не поклоны. Он слышит выбор. Он слышит то, что ты делаешь. Не то, что ты говоришь. Он слышит твою жизнь. Каждый поступок. Каждую мысль. Каждое желание. И отвечает. Не словами. Событиями. Людями. Знаками. Ты просто не всегда понимаешь.

Почему Бог допускает зло? Неизвестно. Может, это не Бог. Может, это зло, посланное извне. Может, это испытание. Может, это часть плана, которого мы не видим. Может, это то, что мы должны преодолеть. Я не знаю. И никто не

знает. Но я верю, что зло — не от Бога. Зло — это то, что против Бога. То, что против любви. То, что против мира. И мы должны с этим бороться. Не ненавистью. Любовью. Не войной. Миром. Не криком. Добром.

Почему Бог допускает войну? Почему допускает страдания детей? Не знаю. Не знаю. Не знаю. Если бы знал — я бы сказал. Но я не знаю. И никто не знает. Это самая большая тайна. И я не буду делать вид, что у меня есть ответ. Потому что нет. Есть только вера. Что всё это не зря. Что всё это — часть чего-то большего. Что за всем этим — любовь. Даже когда её не видно. Даже когда её не чувствуешь. Даже когда всё против.

Я просил у Бога силы. Надежды. Здоровья. И получил. Не сразу. Не так, как хотел. Но получил. Он дал мне силы — через музыку. Надежду — через людей. Здоровье — через время. Он не дал мне лёгкого пути. Он дал мне путь. А это больше, чем лёгкость.

Бог — это любовь. А любовь — это Бог. Это его творение. Это то, что он оставил нам. Как след. Как знак. Как напоминание. Что мы не одни. Что мы не пустота. Что мы не зло. Что мы — его дети. Даже когда мы забываем. Даже когда мы уходим. Даже когда мы делаем больно. Он всё равно ждёт. Не потому что должен. А потому что любит.

После смерти будет переход. В новую жизнь. В новое тело. Новые задачи. Я не знаю, как это работает. Но я верю. Даже Библия не говорит о рае или аде. Она говорит о душе. Кото-

рая путешествует. Которая не умирает. Которая идёт дальше. В новое. В другое. В вечное.

Бог — не дядька на небе. Бог — это вселенная. Это мир. Это любовь. Это всё. Это то, что было. Что есть. Что будет. Это то, что нельзя назвать. Но можно почувствовать. Каждый день. Каждую минуту. Каждое дыхание.

Система — это инструмент зла. Когда она настроена против людей. Когда она делает их роботами. Когда она убивает добро. Когда она заставляет молчать. Когда она продаёт за деньги. Деньги — это зло. Не сами по себе. А то, что они делают с людьми. Как они меняют. Как они убивают. Как они заменяют любовь на выгоду. Власть — это зло. Потому что власть — это желание быть главным. А желание быть главным — это пустота. А пустота — это зло.

Простить зло можно. Но не всегда нужно. Иногда прощение — это предательство. Предательство себя. Предательство тех, кто пострадал. Предательство правды. Прощение — это не слабость. Это сила. Но сила, которая знает, когда остановиться. Когда сказать: хватит. Когда сказать: нет. Когда сказать: дальше без тебя.

Смысл жизни — это мир, любовь и добро. Всё остальное — производное. Деньги. Власть. Слава. Всё это — пыль. Всё это — ничто. А добро — это всё. Мир — это всё. Любовь — это всё. Смысл есть всегда. Даже когда его не видно. Даже когда его не чувствуешь. Он есть. Потому что есть добро. Потому что есть мир. Потому что есть любовь. Потому что

есть Бог. Над нами. Над всем. Над этим трамваем. Над этим городом. Над этим миром.

Я хочу жить. Прямо сейчас. Не потом. Не когда-нибудь. Сейчас. В этом трамвае. С этим чаем. С этим блокнотом. С этими мыслями. Я хочу жить. Потому что жизнь — это чудо. Даже когда она говно. Даже когда она боль. Даже когда она пустота. Она — чудо. Потому что она есть. Потому что я есть. Потому что есть что-то, что больше меня. И это что-то — любовь.

Меня держит любовь к близким. К творчеству. К музыке. К ветру. К солнцу. К чаю. К трамваю. К той девушке, которую я не знаю. Ко всем, кого я любил. Ко всем, кого ещё люблю. Это держит. Это не даёт упасть. Это не даёт сдаться. Это не даёт умереть. Пока есть любовь — есть жизнь.

Меня радует солнце. И лёгкий прохладный ветер. Просто. Ничего больше. Не деньги. Не слава. Не власть. Солнце. Ветер. Всё. Этого достаточно. Этого всегда достаточно. Если ты умеешь видеть. Если ты умеешь чувствовать. Если ты умеешь быть живым.

Меня удивляет ничего. Потому что я всё жду. И ничего не происходит. Люди не меняются. Мир не меняется. Всё идёт по кругу. Трамвай едет. Рельсы кончаются. Всё повторяется. Но я всё равно жду. Потому что надежда — это не про результат. Надежда — это про выбор. Я выбираю надеяться. Даже когда не на что.

Меня вдохновляет музыка. Летов. Гражданская оборона.

Всё, что было. Всё, что есть. Всё, что будет. Музыка — это язык Бога. Это то, что нельзя сказать словами. Это то, что можно только спеть. Только сыграть. Только почувствовать.

Меня успокаивает музыка. И ветер. Когда я слушаю музыку — я дома. Когда я чувствую ветер — я свободен. Это два состояния, которые я люблю. Два состояния, которые я ищу. Два состояния, которые я нашёл. В трамвае. На остановке. В своей комнатухе. В своей голове.

Меня убивает зло. Не люди. Не обстоятельства. Зло. Как сила. Как что-то, что приходит и забирает. Забирает добро. Забирает мир. Забирает любовь. И оставляет пустоту. И я борюсь с этим. Каждый день. Каждую минуту. Как могу. Как умею. Словом. Мыслью. Жизнью.

Что должно случиться, чтобы что-то изменилось? Ничего. Не должно. Потому что изменения не приходят. Их делают. Люди. Каждый день. Каждую минуту. Меняют менталитет. Меняют мышление. Меняют себя. А потом мир. Не сразу. Но меняют. И тогда что-то меняется. Не потому что должно. А потому что люди захотели. И сделали.

Революция — это путь к добру. Если она за добро. Если она за мир. Если она за любовь. Если она против зла. Если она против системы. Если она против пустоты. Тогда — к добру. Иначе — к новому злу. К новой системе. К новой пустоте. Революция без любви — это просто смена хозяев. А смена хозяев — это не революция. Это перестановка. А я хочу не перестановку. Я хочу изменение. Настоящее. Глубо-

кое. Внутреннее. А потом внешнее.

Рай на земле можно построить. Не сразу. Не сегодня. Но можно. Если люди захотят. Если люди вспомнят. Если люди поверят. Что добро — это сила. Что мир — это путь. Что любовь — это всё. Тогда рай будет. Не в церкви. Не на небе. Здесь. На земле. В трамвае. В панельке. В сердце. В каждом из нас.

Я верю в прогресс. Не технический. Не экономический. А человеческий. Прогресс — это когда человек становится лучше. Не богаче. Не сильнее. Не умнее. А добрее. Мирнее. Любящее. Вот это прогресс. Всё остальное — регресс. Даже если это выглядит как развитие. Даже если это выглядит как будущее. Если в этом нет добра — это регресс. Если в этом нет мира — это регресс. Если в этом нет любви — это регресс.

Моя книга — это крик. Манифест. Пропаганда. Рассказ. Проза. Всё вместе. И ничего из этого. Потому что это не книга. Это я. Это моя жизнь. Это моя боль. Это моя надежда. Это моё добро. Это мой мир. Это моя любовь. Это то, что я хочу оставить после себя. Не славу. Не память. А семя. Семя добра. Семя мира. Семя любви. Чтобы оно проросло. В ком-то. Когда-нибудь. Где-то. В каком-то трамвае. В каком-то городе. В каком-то сердце.

Глава 3. Ночные короли

Трамвай выехал из центра. Рельсы повернули. За окном — ТРЦ. Огромный. Стекланный. Светится, как гнойник на теле города. Утром здесь никого. Только охрана, да уборщицы, да я в трамвае. Днём — мамыши с колясками, студенты, офисные крысы. Вечером — парочки, кинозал, фудкорт. А по пятницам — бухалово. Веселье. Коммерция. Музыка из колонок. Смех. Крики. Селфи. Всё как у людей. Всё как в кино. А ночью — другое. Ночью здесь собираются те, кого днём не видно. Кого город выплюнул на асфальт, а обратно не принял. Я знаю этот сброд. Я вырос среди них. Я видел их в подъездах, в подвалах, на остановках, за гаражами. Я слышал их разговоры. Я знал их клички. Я сам почти стал одним из них. Но не стал. Потому что вовремя понял: это не волки. Это шакалы. Вонючие. Паршивые. Трусливые.

Смотришь на них — и думаешь: откуда вы взялись, мрази? Кто вас родил? Кто вас воспитал? Кто дал вам право называться людьми? Ауешники. Мелкие, злые, с детства брошенные. Мать бухала. Отец сидел. Бабка молилась. А пацан рос сам по себе. Улица научила. Улица сказала: будь как мы. Носи чёрное. Говори «по понятиям». Уважай старших. Бей младших. Не сдавай своих. Свои — это те, кто с тобой. А остальные — мясо. И пацан поверил. Потому что больше никто с ним не говорил. Потому что больше никому он не был нужен. И теперь он ходит. В чёрной куртке. В спортивках. С семками. Смотрит на тебя как на хуй. И думает, что он — волк. А он — овца в волчьей шкуре. Только шкура дешёвая.

С рынка. С «Авито». Три тысячи рублей. И то — б/у.

Офники. Эти ещё мельче. Сопляки. Школьники. Которые насмотрелись роликов и решили, что они — банда. Собираются по пять-десять человек. Ходят толпой. Потому что по одному — ссыкуют. По одному — никто. Пустое место. Ноль без палочки. А в толпе — сила. В толпе можно орать. В толпе можно бить. В толпе можно быть кем-то. А без толпы — маменькин сынок, который вернётся домой к девяти, потому что мама сказала. И будет есть суп. И делать уроки. И спать. И видеть сны. О том, как он — крутой. Как он — авторитет. Как его боятся. А утром — снова в школу. Снова молчать. Снова терпеть. Снова ждать вечера. Снова собираться с такими же. И снова изображать из себя то, чем никогда не станут. Гниды. Мелкие гниды. Которые думают, что они — пауки. А они — мокрицы. Которые выползают из щелей, когда темно.

Придерживанцы воровских понятий. Эти — постарше. Эти — серьезнее. Или делают вид, что серьезнее. У них есть «кодекс». У них есть «правила». У них есть «авторитеты». Они не бухают в подъезде. Они сидят в кафе. Они говорят тихо. Они смотрят внимательно. Они не быют первыми. Они ждут. Они считают. Они знают, у кого сколько денег. У кого какая машина. У кого какая жена. Они запоминают. Они не забывают. Они придут. Потом. Когда ты расслабишься. Когда ты забудешь. Когда ты будешь думать, что всё хорошо. Они придут и напомнят. Что ты им должен. Что ты им все-

гда должен. Что ты будешь должен до самой смерти. А если не будешь — они напомнят иначе. Через боль. Через страх. Через кровь. Или через твоих близких. Потому что они — не люди. Они — паразиты. Глисты. Которые жрут тебя изнутри. Медленно. Терпеливо. Пока ты не сдохнешь. А потом найдут другого. И снова. И снова. И снова.

Насильники. Этих я ненавижу больше всех. Даже больше, чем убийц. Убийца может убить за деньги. За идею. За что-то. А насильник — за удовольствие. За то, что внутри него. За то, что он не может контролировать. За то, что он не человек. Зверь. Хуже зверя. Зверь убивает, чтобы есть. А этот — чтобы чувствовать власть. Чтобы чувствовать, что он — кто-то. Чтобы заполнить пустоту внутри чужим унижением. Я видел таких. Я знал таких. Я сидел с ними за одним столом. Слушал их шутки. Смотрел им в глаза. И думал: как ты живёшь, гнида? Как ты смотришь в зеркало? Как ты спишь? Как ты дышишь? Ты же гнилой. Весь. Насквозь. От тебя должно вонять. От тебя должно тошнить. Тебя должны обходить за километр. А ты ходишь. Ты живёшь. Ты разговариваешь. Ты даже смеёшься. И никто не знает, кто ты. Пока не станет поздно. Пока не будет ещё одна. Ещё одна сломанная. Ещё одна убитая внутри. Ещё одна, которая никогда не будет прежней. И ты будешь спать спокойно. Потому что ты — не человек. Потому что у тебя нет души. Потому что ты — пустота, которая жрёт. И я бы своими руками. Своими, блядь, руками. Удушил бы каждого. Медленно. С наслаждением.

Чтобы почувствовали. Чтобы поняли. Чтобы запомнили. Но не могу. Потому что тогда я стану таким же. А я — не такой. Я — другой. Я — человек. А они — нет.

Наркоманы. Эти — отдельно. Эти — уже мертвы. Просто тела ещё ходят. Они не злые. Они не добрые. Они — ничего. Они — функция. Они ищут дозу. Всё остальное — фон. Работа — фон. Семья — фон. Любовь — фон. Всё — фон. А доза — центр. Доза — жизнь. Доза — смерть.

Я знал одного. Хороший был пацан. Умный. С гитарой. Потом начал. Сначала травка. Потом таблетки. Потом игла. Потом — всё. Через год я его не узнал. Через два — его не стало. А через три я узнал, что он умер. Не от передоза. От того, что просто перестал дышать. Организм сдался. Душа ушла раньше. Тело догнало. И всё. Пустое место. Ни следа. Ни памяти. Ничего. Только фотка в соцсетях. И дата. И комментарий: «Светлая память». Светлая память. Светлая. Память. Слова. А человека нет. И не было.

Потому что наркоман — это не человек. Это тень. Которая ходит. Пока есть чем кормить. А потом — исчезает. Как будто и не было. Как будто и не жил. Как будто и не любил. Как будто и не пел.

Вот они. Ночные жители. Ночные короли Свияги. Сборы. Бандиты. Гады. Скоты. Мрази. Гниды. Шакалы. Паразиты. Я смотрю на них через тёмные очки. Через стекло трамвая. И думаю: это мои братья? Это те, с кем я должен быть? Это те, кто понимает меня? Нет. Ни хуя. Они не понимают

ничего. Они не видят дальше своей дозы, своей добычи, своей жертвы. Они — часть системы. Такие же роботы. Только роботы со злом. Роботы, которые думают, что они — волки. А они — ещё хуже овец. Овца хотя бы не жрёт других овец. А эти — жрут. Друг друга. Тебя. Всех. Всё, что могут. Всё, что успеют. Всё, что останется.

А я еду. Трамвай везёт. Свияга блестит под луной. Красиво. ТРЦ светится. Люди смеются. Кто-то бухает. Кто-то трахается. Кто-то ищет дозу. Кто-то ищет жертву. Кто-то ищет выход. А выхода нет. Потому что система. Потому что зло. Потому что ночь. Потому что всё повторяется. Каждую ночь. Каждую пятницу. Каждую жизнь. И так будет всегда. Пока есть люди. Пока есть тьма. Пока есть пустота.

Я отворачиваюсь. Допиваю чай. Открываю блокнот. Пишу: «У Свияги собрались шакалы. Думают, что волки. А я еду дальше. Потому что я — не с ними. Я — не шакал. Я — не овца. Я — не робот. Я — не гнида. Я — не мразь. Я — ещё что-то. Что-то, что ещё дышит. Что-то, что ещё верит. Что-то, что ещё любит. Даже здесь. Даже в этой ночи. Даже в этом городе. Даже в этом мире. Даже среди шакалов. Даже среди гнид. Даже среди мразей. Я — еду. И я — живой. А они — нет. Они — уже сдохли. Просто ещё не знают.»

Трамвай едет. Рельсы кончаются. А я еду.

Еду себе дальше, вижу за окном район, который известен тем, что он один из самых опасных, но при этом самый заселённый в этом городе.

Я не знаю этот район. Я его не понимаю. Я знаю только прямые дороги — Московское шоссе, Западный бульвар, ещё пара улиц. Всё остальное — дыры. Дворы, куда я не заходил. Улицы, где я не был. Люди, которых я не знаю. И жуткие новости. Я читаю их в интернете. Убили. Ограбили. Изнасиловали. Сожгли. Утопили. Каждый день. Каждую ночь. Этот район — как чёрная дыра. Сюда заходит — и не выходит. Сюда попадают — и не возвращаются. Или возвращаются. Но другими. Сломанными. Или мёртвыми.

Трамвай затормозил. Двери открылись с шипением, как будто выдохнул умирающий. Я вышел. Конечная станция. Кольцо. Конец маршрута. Дальше рельсы не идут. Дальше — только бетон и пустота. Внутри меня сжирает пустота, тоска и тревожность. Я закуриваю. «Мальборо». Красный. Последняя пачка. Денег на новую нет. Я стою. Курю. Жду. Жду следующий трамвай. Чтобы вернуться. Назад. В центр. В свою комнатку. К своему чаю. К своему блокноту. К своим мыслям. Потому что здесь — не моё. Здесь — чужое. Здесь — страшно. И я это признаю. Я не боюсь признать. Я не овца, которая делает вид, что ей не страшно. Мне страшно. Но я стою. Курю. Жду. Потому что я — здесь. И я — живой.

Смотрю вокруг. Остановка. Ржавая. Разъёбанная. Стекло выбито. Лавка сломана. Расписание висит криво. Трамвай, который я жду, придёт через двадцать минут. Может, через тридцать. Может, никогда. Я уже привык. Ждать. Сто-

ять. Курить. Смотреть.

На лавке сидит мужик. Лет сорока. Может, пятидесяти. Хуй его знает. Лицо серое. Мятое. Как будто по нему проехал трамвай. И не один. Он в куртке. В кепке. В ботинках. Рабочий. С завода. Или с рынка. Или откуда-то ещё. У него пакет в руках. В пакете — бутылка. Водка. Или пиво. Или что-то ещё. Он смотрит в никуда. Курит. Молчит. И я думаю: вот он — человек. Настоящий. Не робот. Не хомяк. Он не бежит. Он не суетится. Он просто сидит. Просто курит. Просто молчит. И это — добро. Не в смысле хороший. Не в смысле святой. А в смысле настоящий. Живой. Со своей болью. Со своей усталостью. Со своим пакетом с бутылкой. Он не проданся. Он не сдался. Он просто выжил. Как мог. Как умел. И теперь сидит. На лавке. На остановке. В этом аду. И курит.

Я смотрю на него и думаю: сколько он видел? Сколько он пережил? Сколько он потерял? Работа. Семья. Может, развёлся. Может, дети уехали. Может, никого нет. Может, он один. Как я. Только старше. Только уставший. Только с бутылкой. Я не знаю. Я не спрошу. Потому что нельзя. Потому что не принято. Потому что здесь — не говорят. Здесь — молчат. Здесь — пьют. И курят. И ждут. Ждут, когда всё кончится. Или когда придёт трамвай. Или когда придёт смерть. Всё равно. Всё равно что.

Рядом с ним пацан. Лет пятнадцать. Может, шестнадцать. В спортивках. В чёрной куртке. В наушниках. Смотрит в те-

лефон. Играет. Или листает. Или что-то ещё. Я не вижу. Мне похер. Он — офник. Может, ауешник. Может, просто пацан. Который вырос здесь. Который не знает другого. Который думает, что это — жизнь. Улица. Толпа. Телефон. И больше ничего. Он ещё не понял. Что система его уже съела. Что он уже робот. Что он уже не он. Он просто ещё не знает. Он ещё думает, что он — крутой. Что он — волк. Что он — что-то. А он — ничто. Пустое место. Мясо. Которое пойдёт на войну. Или в тюрьму. Или под забор. Или в никуда. Как все. Как миллионы. Как его отец. Как его дед. Как его сын. Которого ещё нет. Но который будет. И повторит. Всё повторит. Замкнутый круг. Бетонный круг. Серый круг. Без выхода.

Я смотрю на пацана и думаю: а ведь в нём — тоже добро. Тоже искра. Тоже свет. Где-то там. Под спортивками. Под курткой. Под наушниками. Под телефоном. Под всей этой хуйнёй. Там — человек. Настоящий. Который хочет жить. Который хочет любить. Который хочет быть кем-то. Но ему не сказали. Не показали. Не научили. Ему дали телефон. И сказали: вот твоя жизнь. Вот твой мир. Вот твоё всё. И он поверил. Потому что больше ничего не было. Потому что больше никто не пришёл. Потому что всем было похер. Матери. Отцу. Школе. Государству. Церкви. Всем. И он остался один. С телефоном. С улицей. С этой остановкой. С этим бетоном. С этой пустотой.

Я хочу подойти. Сказать что-то. Что-то важное. Что-то настоящее. Что-то про добро. Про мир. Про любовь. Чтобы он

услышал. Чтобы он понял. Чтобы он не стал тем, кем станет. Но я не подхожу. Потому что не умею. Потому что боюсь. Потому что он меня не поймёт. Потому что он подумает, что я — мудака. Или педофил. Или псих. И я стою. Курю. Смотрю. И молчу. Как мужик на лавке. Как все. Как всегда. Как в аду.

А вокруг — бетон. Панельки. Дворы. Мусор. Окурки. Бутылки. Собаки бездомные. Бабки с сумками. Мужики с пивом. Всё как везде. Всё как всегда. Всё как в аду. Только ад этот — не огненный. Не страшный. Не громкий. А тихий. Серый. Бетонный. Без криков. Без боли. Без слёз. Просто пустота. Просто серость. Просто ничего. И люди здесь — не кричат. Не плачут. Не бунтуют. Они просто живут. Просто терпят. Просто ждут. Ждут трамвая. Ждут смерти. Ждут чего-то. Чего-то, что никогда не придёт.

Я докуриваю. Бросаю бычок. Смотрю на рельсы. Они блестят. Мокрые. После дождя. Или от росы. Или от чего-то ещё. И я думаю: рельсы. Они идут. Куда-то идут. Не в никуда. Не в пустоту. Куда-то. Где-то там. За этим бетоном. За этой серостью. За этой остановкой. Есть что-то. Что-то настоящее. Что-то живое. Что-то доброе. Что-то, что стоит увидеть. И я хочу туда. Хочу доехать. Хоть раз. Хоть на минуту. Хоть на секунду. Увидеть. Понять. Поверить. Что не всё — бетон. Что не всё — пустота. Что не всё — ад.

Подъезжает трамвай. Тот же. Тридцать восьмой. Только в другую сторону. Двери открываются. Я захожу. Сажусь. До-

стаю блокнот. Пишу: «Конечная. Мужик с бутылкой. Пацан с телефоном. Бетон. Пустота. Но рельсы идут. Значит, есть куда. Значит, есть надежда. Значит, есть добро. Даже здесь. Даже в этом аду. Даже в этой пустоте.»

Я поехал назад в свою берлогу, напишу пару тысяч слов в своём блокнотике и забуду про них нахуй. Потому что завтра тот же день, та же срань, та же поебень.

Пока ехал назад, я вспомнил про девушку с утра. В ней всё же есть что-то такое, интересное. Может быть, завтра поймаю её снова.

Я приехал обратно. Всё было то же самое, как в тумане. Я объездил уже все маршруты, посмотрелся на людей, на город. Но у меня появилась новая цель: попробовать узнать про эту девушку. Может быть, даже и получится любовь, о которой я знаю и слышу. Но хуй его ебёт — сейчас за свою работу, а завтра снова на этот блядский трамвай. Что я в нём нашёл, не знаю. Но так и тянет меня по моему брэнному пути.

Глава 4. Двадцать минут

Проснулся я хуй пойми когда. Будильник не звонил. Или звонил, а я не слышал. Или слышал, но послал его нахуй. Тело не двигалось. Голова гудела. Во рту — сухость, как будто всю ночь жевал асфальт. За окном — серое утро. Ульяновское утро. Которое не обещает ничего. Ни солнца. Ни радо-

сти. Ни смысла.

Я лежал. Смотрел в потолок. Потолок был старый. Потрескавшийся. В паутине. Я думал: вставать или не вставать. Ответа не было. Как всегда. Как у всех.

Но я встал. Потому что надо. Потому что если не встану — то что? Сдохну? Нет. Не сдохну. Просто пролежу весь день. Как овощ. Как мужик с остановки. Который смотрит в никуда и курит. Только у меня и сигарет нет. Кончились. Последнюю я докурил вчера. На конечной. Помнишь? Ну, ты не помнишь. А я помню. Я помню всё. Даже когда не хочу. Ибо потому что без сигарет я ловлю ужасные ломки, как последний наркоман. Жопа.

Я умылся. Вода была холодная. Как всегда. Потому что горячей не было. Я сам её отключил. Давно. Сказал себе: нахуй это баловство. И отключил. И теперь умываюсь ледяной. Зимой — ледяной. Летом — тоже ледяной. Только летом она ещё и ржавая. Потому что трубы старые. Потому что всё старое. Потому что всё гнилое.

Я оделся. Всё то же. Чёрная куртка. Чёрные штаны. Чёрные ботинки. Чёрные очки. Я не гот. Я не эмо. Я не офник. Я просто — не хочу видеть этот мир. Ярко. Чётко. В цвете. Мне достаточно серого. Мне достаточно теней. Мне достаточно тьмы.

Вышел из подъезда. Новомодного. Новостройки. Где живут либо те, кто в жопе, либо те, кто ебнутый. Я — и то, и другое. Но мне похер. Я здесь временно. Как и везде. Как и

всегда. Как и во всём.

Остановка. Разрушенная. Рельсы. Ржавые. Железные. Их клепали ещё по Союзу. Их ставили немцы. Или зэки. Или и те, и другие. Мне похер. Главное — они держат трамвай. А трамвай держит меня. Или я держу трамвай. Хуй пойми. Всё перепуталось. Как в голове. Как в жизни. Как в этом мире.

Трамвай подъехал. Номер 38. Тот же. Маршрут — тридцать километров. Час езды. Час тупых раздумий. Час чая. Час блокнота. Час меня. Я зашёл. Сел. Оплатил. Бесконтактно. Как все. Как робот. Я подумал: а изобретут ли эти мудаки бесконтактный секс? И усмехнулся. Сам себе. В тёмные очки. Чтобы никто не видел. Чтобы никто не понял. Что я — ещё живой.

Но сегодня я решил: не буду ехать весь маршрут. Пройдусь. Пару остановок. Просто так. Без причины. Без цели. Просто потому что могу. Просто потому что хочу. Просто потому что иногда надо выйти. Даже если некуда. Даже если не зачем. Тем более вдруг я словлю ту девушку и мысленно порадую свои глаза и свой хуй.

Допиздел до третьей остановки. Не помню названия. Да и похер. Остановка как остановка. Люди как люди. Серые. Спешат. Бегут. Куда-то. Зачем-то. А я стою. Курю. Причём новую пачку я нагло спиздил с общего балкона в парадной. А нехуй оставлять. Смотрю. И никуда не бегу. Потому что мне некуда. И теперь просто стою. И смотрю. И жду. Не трамвая. Не человека. Не чуда. Просто жду. Потому что так надо. По-

тому что так проще. Потому что если не ждать — то что тогда? Тогда придётся идти. А идти — некуда. Значит — стою. Значит — курю. Значит — смотрю. Мысли что пиздец.

Я пошёл пешком. Вдоль рельсов. Мимо панелек. Мимо дворов. Мимо детских площадок. Ржавых. Сломанных. Забытых. Дети выросли. Дети уехали. Дети стали роботами. А площадки остались. Как памятники. Как надгробия. Как напоминание о том, что здесь когда-то была жизнь.

Я шёл и думал. О чём? Обо всём. О ни о чём. О себе. О ней. О той девушке. С бордовыми волосами. С зелёными глазами. С Sex Pistols в наушниках. О той, которая вышла на станции в центре. И оставила меня одного. Вдохлом трам-вае. С пустотой внутри.

Я думал: увижу ли я её когда-нибудь? Или это была одна встреча? Одна секунда? Одна жизнь? Может, её вообще не было? Может, я её выдумал? Может, это был сон? Или бред? Или глюк? Может, я просто хотел кого-то увидеть. Кого-то настоящего. Кого-то живого. И мой мозг нарисовал её. Из ничего. Из пустоты. Из одиночества. Как мираж. Как надежду. Как спасение.

Я шёл. И не заметил, как дошёл до следующей остановки. Она была пустая. Только я. И ветер. И рельсы. И серое небо. Я сел на лавку. Достал блокнот. Достал ручку. Хотел писать. Но не писал. Просто смотрел. Просто думал. Просто ждал. И тогда я её увидел.

Она шла по тротуару. В наушниках. В косухе. В рваных

джинсах. В тяжёлых ботинках. Бордовые волосы развевались. Как кровь на ветру. Как знамя. Как что-то, что нельзя не заметить. Она шла и не смотрела по сторонам. Она шла и слушала музыку. Ту, которую я не слышал. Ту, которую хотел услышать. Ту, которую боялся услышать. Потому что если услышу — то что тогда? Тогда придётся что-то делать. Тогда придётся подойти. Тогда придётся сказать. Тогда придётся быть живым. А я не умею. Я разучился. Или не научился. Или забыл.

Я замер. Сердце остановилось. Потом поехало. Потом застучало. Как трамвай. Как рельсы. Как что-то, что нельзя остановить. Я смотрел на неё. Через тёмные очки. И надеялся, что она не видит. Что она не понимает. Что она не знает. Что я — здесь. Что я — смотрю. Что я — уже пропал. Уже потерял. Уже не мой.

Она подошла к остановке. Ближе. Ещё ближе. И остановилась. В двух метрах от меня. В двух, блядь, метрах. Я чувствовал её. Не запах. Не духи. Что-то другое. Что-то большее. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя объяснить. Что-то, что просто есть. И от этого было страшно. И от этого было хорошо. И от этого хотелось кричать. И от этого хотелось молчать. Всё сразу. Как всегда. Как в аду. Как в раю. Как в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.